(1)В конце жизни Гёте сказал: (2)«Добрые люди не знают, как много времени и труда необходимо, чтобы научиться читать. (3)Я затратил на это восемьдесят лет и всё ещё не могу сказать, что достиг цели».

(4)Действительно, читать — это осмысливать жизнь, себя самого в этой жизни. (5)Книги пишут в расчёте на тех людей, которые способны сопереживать и тем соучаствовать в творчестве. (6)А тут многое нужно, в том числе и мудрость, и опыт жизни... (7)Тогда словом ли, фразой ли коснулся чего-то в душе и — «Минувшее проходит предо мною...». (8)«Нельзя представить себе, как это трудно, хотя и кажется, что быть простым очень просто, — говорил Пушкин. — (9)Все те, которые обладают этим даром, поэты с будущностью, особенно если эти свойства проявляются в ранней молодости, потому что вообще молодые поэты редко бывают просты».

(10)Впервые серьёзно начал я читать, когда ко дню рождения подарили мне книгу Льва Толстого «Хаджи-Мурат», голубую, с серебряным тиснением. (11)Эта книга оказалась для меня особенной на всю дальнейшую мою жизнь. (12)Я не только её вид помню, но помню запах, хотя нет сомнений, что это просто запах клея и коленкора...

(13)Я всегда завидовал моим сверстникам, у кого были и сохранились отцовские библиотеки. (14)Мне же многое приходилось открывать поздно. (15)Бунина, Хемингуэя, Ремарка я прочёл только в конце сороковых — середине пятидесятых годов. (16)А потом были годы, когда я пытался во что бы то ни стало объять необъятное и перечитал массу книг.

(17)В разные годы разные книги и разные писатели становятся интересней, нужней. (18)Но богом для меня был и остался Лев Толстой...

(19)Все великие книги созданы страданием и любовью к людям. (20)И если книга причинит вам боль, это боль исцеляющая. (21)Эта боль вызвана состраданием, сочувствием к другому, а такое сочувствие и должна вызывать литература, чтобы в людях не угасло человеческое. (22)Литература до тех пор жива, пока она рассказывает о человеке, о человечном и бесчеловечном в нём, то есть о Добре и Зле, творит Добро. (23)Я сейчас говорю, по сути, о традициях русской литературы. (24)Толстой, например, едет на голод, едет с дочерью, дочь ходит по избам, где тиф. (25)Ну ладно сам, но пустить дочь?! (26)По-другому совесть не позволяла. (27)А Чехов разве не отправился спасать от холеры, в жуткую эпидемию, как будто не существовало угрозы самому заразиться? (28)Но для него вопрос — лечить или не лечить, разумеется, не возникал. (29)Так всегда было. (30)И не только в России Толстого и Чехова. (31)Какие традиции великой русской литературы продолжает в XX веке Светлана Алексиевич? (32)То, что она сделала, её "Чернобыльская молитва", — это творческий и нравственный подвиг. (33)Ездила несколько лет в зону, зная, что неминуемо схватит радиацию, что малые дозы тоже таят опасность, но не остановилась, написала книгу, которая буквально переворачивает душу.

(34)Цена такого слова всегда велика. (35)А сейчас велика особенно, потому что в обществе нашем усталость и тусклое равнодушие. (36)И всё упорней пишут о том, что литература избавилась, наконец, от несвойственного ей — быть совестью, болью, философией, историей человеческой души, а ведь к писателям не только за советом обращались. (37)Исповедовались.

(По Г. Бакланову*)

**Григорий Яковлевич Бакланов* (1923-2009) — русский советский писатель, публицист.

Какие из высказываний соответствуют содержанию текста? Укажите номера ответов.
Цифры укажите в порядке возрастания.

1) Милосердие, сострадание к людям, жертвенность всегда были в традиции у великих русских писателей.
2) Любовь к чтению иногда начинается с чтения первых, подаренных к празднику книг.
3) Чтение книг — это прежде всего постижение самого себя, осознание смысла своей жизни.
4) В литературе XX века, в отличие от классической, нет писателей, чьё творчество вызывало бы сильнейший отклик в душах читателей.
5) Книги не должны приносить боль.